



«Земля гроз и громовых стрел»: мифологические образы Внутренней Азии

© М.М. Содномпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Обширная территория Внутренней Азии, пространство которой включает немало опасных для жизни мест, нашла отражение во множестве разнообразных образов, далеких от реальности, зафиксированных в разных источниках. Многие мифические образы сохраняли свою актуальность вплоть до начала XX века. Одним из известных со средневековья персонажей, связанных с отдельными территориями Внутренней Азии, является образ «земли гроз и громовых стрел». Его актуальность сегодня подтверждается метеорологическими исследованиями региона. Рассмотрение представлений и обычаев тюрко-монгольских народов, проживающих на территории Внутренней Азии, связанных с грозовыми явлениями, показывает архаичность громовержца-дракона. Этот популярный образ «повелителя грозы и молний» распространился с территории южной и Юго-Восточной Азии. Высокой устойчивостью во времени характеризуются традиционные представления о сущности грозовых явлений, процессе трансформации молнии в каменные и металлические объекты (археологические артефакты). В культуре тюрко-монголов наблюдается разное осмысление причин поражения человека или животного молнией. Отмечается негативное понимание этого события в монгольском обществе со средневековья до XIX – начала XX в., и наоборот, позитивное на периферии Монгольской империи – у бурят, тюрков Южной Сибири. Выявлено, что представители разных народов испытывали в отношении гроз и молний совершенно противоположные чувства – одни страх и прятались, другие, напротив, бросали вызов Небу. В социальной структуре Монгольской империи выделились представители «белой кости», которые верили в свою неуязвимость перед грозой по праву своего «небесного происхождения». Были и те, кто считал Небо должником своего предка. Верили также, что от молнии может спасти мнимое родство с «избранными Небом», а также полезные для громовержца поступки.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, грозовые явления, традиционное мировоззрение, мифологические образы, обычаи, шаманизм, артефакты, небесные стрелы

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии реконструкция ее историко-культурного прошлого».

Для цитирования: Содномпилова М.М. «Земля гроз и громовых стрел»: мифологические образы Внутренней Азии // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 72–83. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-72-83>

“Land of Thunderstorms and Thunderbolts”: Mythological Images of Inner Asia

© Marina M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The vast territory of Inner Asia, the space of which includes many dangerous places for life, is reflected in many different far from reality images recorded in different sources. Many mythical images remained relevant until the beginning of the 20th century. One of the images known from the Middle Ages associated with certain territories of Inner Asia is the image of “the land of thunderstorms and thunder arrows”. The relevance of this image today is confirmed by meteorological studies of the region. The study of the ideas and customs of the Turkic and Mongolian peoples living in the territory of Inner Asia, associated with thunderstorms, shows the archaic character of the image of the thundering dragon. This popular image of the “lord of thunder and lightning” has spread from the territory of southern and southeast Asia. Traditional ideas about the essence of

thunderstorms, the process of transformation of lightning into stone and metal objects (archaeological artifacts) are characterized by high stability in time. In the culture of the Turko-Mongols, there is a different understanding of the reasons for the defeat of a person or an animal by lightning. In the culture of the Turkic and Mongolian peoples, there is a different understanding of the reasons for the defeat of a person or an animal by lightning. There is a negative understanding of this event in Mongolian society from the Middle Ages to the 19th century – the beginning of the 20th century, and vice versa, positive on the periphery of the Mongol Empire – among the Buryats, the Turkic peoples of Southern Siberia. It was revealed that representatives of different peoples experienced completely opposite feelings in relation to thunderstorms and lightning – some experienced fear and hid, others, on the contrary, challenged the Sky. In the social structure of the Mongol Empire, representatives of the “white bone” stood out, who believed in their invulnerability against a thunderstorm by right of their “heavenly origin”. There were also those who considered Heaven as a debtor to their ancestor. They also believed that imaginary kinship with the “chosen by Heaven”, as well as actions useful for the Thunderer, could save from lightning.

Keywords: Inner Asia, Turkic and Mongolian peoples, thunderstorms, traditional worldview, mythological images, customs, shamanism, artifacts, heavenly arrows

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research’s grant no. 19-09-00082 “Inner Asia in Historical Cartography: Reconstruction of Its Historical and Cultural Past”.

For citation: Sodnompilova M.M. (2021) “Land of Thunderstorms and Thunderbolts”: Mythological Images of Inner Asia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 72–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-72-83>

Обширная территория Внутренней Азии, пространство которой включает множество опасных для жизни мест (пустыни Гоби, Такла-Макан, горы, непроходимые леса), нашла отражение во множестве разнообразных образов, далеких от реальности, зафиксированных в китайских династийных хрониках, исторических, географических летописях, арабо-персидских космографиях, в описаниях путешественников средневековья. Многие мифические образы сохраняли свою актуальность вплоть до начала XX в. Презентация одного из них – «земли гроз и громовых стрел» – и описание особенностей развития этого образа со средневековья до начала XX века является целью статьи. Источниками исследования стали данные китайских источников разного времени, историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей – этнографов, историков, лингвистов, фольклорные материалы.

Территория Внутренней Азии является частью пространства, где грозные явления проявляются часто. Её отдельные территории входят в пояс повышенной грозовой активности, протянувшейся вдоль примерно 45–60 параллелей. В границах этого пояса выделяются два очага с высокой плотностью грозных разрядов: условно-центральный очаг (50–60° с. ш., 90–110° в. д.) и

«восточный», максимальная активность которого наблюдается в межгорной котловине между Малым Хинганом и Становым хребтом (Тарабукина, Кононова, 2018. С. 423). Эти характерные черты климата данной территории фиксируются в источниках разного времени, сопровождаясь интересными обоснованиями причин этих явлений. К числу самых ранних, в которых, на наш взгляд, просматривается образ страны северных варваров как места, откуда слышен шум (гром), падают небесные тела (метеориты), относятся китайские династийные хроники, летописи («История Северной династии Ци», «Ранняя история пяти династий», «Ранняя история Тан», «Исторические записки» Сыма Цяня). Согласно представлениям китайских летописцев, на севере от Срединного государства расположены огромные равнины и пустыни, куда нисходит Небесная собака (или находится красная собака, называемая Небесной собакой), принося вооруженные смуты, болезни и другие бедствия. Она возвещает о своем приходе страшным грохотом: «Во втором году Чжунхэ (882) в десятом месяце с северо-западного края безоблачного неба вдруг послышался гром; это назвали нисхождением Небесной собаки» (Гроот, 2000. С. 96); «А в третьем году Тунгуан (925) в девятом месяце, с севера донеслись звуки, напоми-

нающие гром и громко закричали дикие фазаны. Люди называют это сошествием Небесной собаки» (Гроот, 2000. С. 96). Сыма Цянь оставил описание небесного тела, которое иногда достигает земли и имеет форму собаки. «Куда бы оно ни упало, везде вспыхивает огонь; оно подобно огненному свету, подобно пламени вздымающемуся к небу» (Там же). Хотя многогранный образ китайской Небесной собаки (Комиссаров, Кудинова, 2012) в большей степени связан с небесными телами – кометой, метеоритами, солнцем и луной, мы полагаем, что один из ее образов, локализуемый на северных равнинах и пустынях, связан с кочевой культурой, ее культом волка. Образ красной собаки, нисходящей с громом на равнины, может в определенной степени быть отражением взглядов средневекового Китая и на особенности климатических явлений земли «северных варваров».

Упоминает «о стране тюрков как месте, где во время гроз и молний падают медные тела в виде наконечников медных стрел и с выступом, загнутым вверх», в своих трудах Ибн Сина, давая объяснение происхождению небесных предметов (Юрченко, 2007. С. 25).

Метеорологические явления, сопровождающиеся громом и молниями, как особенные явления, присущие огромным степным пространствам кочевников, описываются путешественниками Плано Карпини, Гильомом Рубруком. Дж. дель Плано Карпини отмечает, что «Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей» (Карпини, 1997. С. 32). В летописи Рашид-ад-дина уделяется особое внимание стране Могулистан, в которой «холод бывает чрезмерным, а в особенности в той ее части, которую называют Баргуджин-Токум¹: там непрерывно и последовательно падают молнии» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 157), говорится о разных племенах монголов, для которых частые грозы являются огромным бедствием.

¹ О территории «Баргуджин-Токум» см. подробно: Нанзатов, 2018.

Намного позднее, в начале XX века частота и сила грозных явлений в Забайкалье привлекла внимание исследователя Ю.Д. Талько-Грынцевича, который изучал природу нервных заболеваний и физиологических особенностей организма автохтонов Забайкалья. Объектом его исследования стали женщины – казачки, старожилки и семейские. Он считал, что «сильные ветры в вечернее и ночное время, летние бури и грозы наводят страх на девушек и женщин, отчего те подвержены беспокойству вплоть до истерики» (Талько-Грынцевич, 1903. С. 99). По его мнению, атмосферные явления Забайкалья предрасполагали женщин к нервным заболеваниям. Эти уникальные метеорологические явления данного региона стали важной частью повседневной жизни его населения, причиной огромного числа представлений, верований и запретов, легли в основу обрядов, защищающих от молний.

Происхождение грозных явлений

В представлении большей части населения Внутренней Азии гром и молнии есть порождение мифического существа – дракона луу. Этот образ был хорошо известен средневековым монголам, о чем писал Рашид-ад-дин. «У монголов же считается, что молния исходит от некоего животного, подобного дракону, и в их областях жители будто бы видят, своими глазами как оно падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя... Пользующиеся уважением монголы, слова которых заслуживают доверия, касательно этого настойчиво утверждают, что мы де неоднократно видели это сами» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 157).

Согласно этнографическим материалам XIX века, этот образ сохранился у народов Монголии, у бурят Забайкалья, тувинцев. Последние называли небесного дракона Улы-Кайракан и верили, что зиму он проводит на вершинах высоких гор, а летом поднимается на небо. «Места его зимовки недоступны; где он зимует пар стоит» (Потанин, 1883. С. 139). Образ вызывающего грозу змея или дракона, по мнению исследователей Д.С. Дугарова, Ю.В. Березкина, «преимущественно характерен

рен для Восточной Азии, а в Центральной Азии обусловлен восточноазиатским влиянием» (Дугаров, 1991. С. 182; Березкин, 2013. С. 119). Возможно, что его предшественниками являются иные образы, которые сохранились на периферии региона и нередко сливались в той или иной степени с образом дракона. Так, среди ойратов грозовые явления связывались с белым небесным верблюдом. Согласно ойратским преданиям, небесный дракон превращается в верблюжонка, упав на землю. У монголов и тюрков Южной Сибири громовержцем считалось божество Хайрхан (Бакаева, 2003. С. 73, 74). Множество фольклорных и этнографических материалов, собранных у тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, показывает, что этим именем обозначались и небесное божество с функциями творца и громовника, и медведь, и высокие грозные горы. Согласно тексту средневекового монгольского обрядника, «Хайрхан-тэнгри почитался в качестве гения-хранителя тюркоязычными кыргызами и уйгурами» (Галданова, 1995. С. 105). Анализ первой части тюркского термина *кайракан* позволил Н.Б. Дашиевой определить этимологию термина *кайр* в древнетюркском языке – термин восходит к понятию «гром/небесный огонь» (Дашиева, 2015. С. 124).

Хакасы верили, что молнии являются оружием Громовержца Кугурт-хана. «Кугурт-хан являлся хозяином коней ызыхов белой масти... Шерсть белого ызыха должна напоминать чистоту снега. Кугурт-хан ездил верхом на белом коне ызыхе, держал в руках чомбур из белых серебряных нитей, был в белой шелковой шапке, в белых сафьяновых сапогах и в таких же перчатках, одежда на нем – из чистого серебра; ... он царь над всеми духами» (Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 49). Тувинцы полагали, что молнии бросает на землю божество Хормусту-Кара-Тэнгир. В бурятской мифологии молнии и гром могли исходить от разных небожителей, включая верховного небожителя – Эсэгэ Малан тэнгри (Потанин, 1883. С. 142), Хөхөдөймэргэна (небесного стрелка), Сарь-Саган-тэнгэри Сахилгата будал (Хангалов, 1958. С. 300).

В числе известных со средневековья мнений относительно причин грома и молний, поражающих деревья, людей, животных, жилища, является гнев божеств, который вызывают неправильные действия людей. В монгольском средневековом обществе строго осуждались и даже наказывались некоторые действия, которые могли привести к поражению молнией. К числу таких действий, которые были зафиксированы Плано Карпини, Гильомом де Рубруком, Рашид-ад-дином, относится запрет стирать и сушить одежду в период летних гроз: «Платья свои они не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор пока не прекратится это время» (Карпини, 1997. С. 42); «Платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры, высылают тогда чужестранцев из своих домов, закутываются в черные войлоки, в которые прячутся пока не пройдет гроза» (Рубрук, 1997. С. 99). Рашид-ад-дин пишет о племени урянкатов (урянха): «Если кто-нибудь снимет с ноги войлочный чулок и захочет высушить его на солнце, то случится та же самая упомянутая беда (молния попадет в дом). Поэтому, когда они сушат свои войлочные чулки, то закрывают верхушку шатра и сушат их в шатре» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 157).

Другим греховным действием средневековые монголы считали пролитие на землю молока и молочной пищи. О существовании этого запрета у монголов в XIII веке писал Дж. дель Плано Карпини: грехом было «проливать на землю молоко или другой напиток» (Карпини, 1997. С. 37). Смысл запрета раскрывает в своей летописи Рашид-ад-дин: «Если прольется на землю вино или кумыс, молоко пресное и кислое, то молния преимущественно падает на четвероногих, в особенности на лошадей. Если же будет пролито вино, то это произведет еще большее действие и молния наверняка попадет в скотину или в их дом. По этой причине монголы остерегаются делать все это» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 157). Впоследствии данный конкретный смысл этого запрета утрачи-

вается, либо изменяется – формируется идея об утрате счастья и богатства, образ которого, как правило, воплощался в стадах домашних животных. Так, хакасы верили, что «Если молоко вылить на землю или в воду, то молочный скот держаться не будет (рассыплется его жизненная сила хут)» (Бутанаев, 1996. С. 111). В XIX веке молоко стало использоваться как средство, которое оберегает дом от возможного попадания молнии, «уводит» грозу в другое место (Галданова, 1987. С. 19), в связи с чем у многих народов Внутренней Азии стал проводиться при первом летнем громе обряд окропления жилища молоком, поднесения жертвенных даров в виде разной молочной пищи небесным божествам (Потанин, 1883. С. 140; Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 49). К ряду подобных действий относится и обычай кяхтинских табангутов смазывать маслом наружные войлочные стены юрты во время первой грозы (Абаева, 1992. С. 100).

Этнографические материалы XIX века фиксируют широкое распространение на всей территории Внутренней Азии уже совсем иных представлений о причинах ударов молний: небесные божества стреляют молниями в определенных животных – белку-летягу, бурундука, сову, чертенку, животных и грешных людей, «которые сделали что-нибудь противное небесным кайраканам» (Потанин, 1883. С. 139). Верили также, что молнию притягивают к себе домашние животные, которые считались нечистыми – собаки, кошки. За ними могли прятаться злые духи, за которыми охотился громовержец. Во время грозы кошек и собак обычно выгоняли на улицу. Аналогичным образом поступали и местные русские: русские старожилы в Забайкалье «Во время грозы удаляют из избы кошек и собак, думая, что они "притягивают" к себе молнию, или как говорят здесь – "молонью"» (Осокин, 1906. С. 108).

Небесные стрелы

Средневековый философ, врач Ибн Сина был убежден, что молния, попадая в землю, «рождает» железные и каменные тела, которые образуются от огня, когда он гаснет. «И происходит это

благодаря одной из причин, присущей огненной субстанции, которая потухая, становится сухой и холодной (то есть приобретает качества твердого тела). В стране тюрков во время гроз и молний падают медные тела в виде наконечников стрел и с выступом, загнутым вверх» (Юрченко, 2007. С. 24–26). Аналогичным образом рассуждал и «ученый энциклопедист Шэнь Ко эпохи Сун, сообщавший о культе бога грома Лэй-шеня на полуострове Лэй-чжоу. В этой местности издавна случались частые и сильные ливни с грозами. Находки медных и каменных изделий в форме топоров и рубил укрепили местное население в вере в Лэй-шеня...» (Там же). На эти размышления средневековых ученых натолкнули многочисленные предметы, изготовленные руками людей предшествующих веков – палеолитические, неолитические каменные скребки и рубила, изделия эпохи металла – наконечники стрел, топоры и многое другое.

Очевидно, что подобные суждения имели широкую географию. Полагаем, что они были распространены и по всей территории Внутренней Азии – в XIX веке такие представления обнаруживаются повсеместно у монголов, бурят, тюрков Южной Сибири. Монголы верили, что, когда гремит гром, вместе с ним на землю падают бронзовые стрелы. Их называют «небесными стрелами». После удара молнии, по прошествии трех лет, в том месте можно найти небесную стрелу (Арьясүрэн, Нямбуу, 1992. С. 531). Хакасы, считая молнию стрелой громовержца Кугурт-хана, находили на земле каменные наконечники. Они также полагали, что стрела напоминает формой яйцо зеленого цвета. Тувинцы принимали за «громовые стрелы» камни красноватого или коричневого цвета (Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 49). Часто находили на земле подобные предметы бурятские шаманы и простые люди. М.Н. Хангалов указывает широкое разнообразие их форм: «Камни эти бывают различной формы: круглые, ножеобразные, топоробразные, кольцеобразные и даже похожие на человека и других форм» (Хангалов, 1960. С. 144). Эти камни назывались *буумал шулун* и особо почитались бурятами, как знак особого расположения неба к людям. Эти камни бурята также назы-

вали «пуговицами с воротника» Эсэгэ Малаан тэнгри или же «бортовыми пуговицами» его жены – Эхэ Юрэн тоби (Михайлов, 1996. С. 16).

Такая «теория» о природе молнии и «громовых стрелах» разделялась и буддийскими священниками. В начале XX века известный бурятский исследователь Ц. Жамцарано в своих дневниках описал спор с ученым доктором медицины и философии габжу Жигмедом о громе и молниях. Последний был убежден в ложном понимании «безверными» европейцами сущности грома и молнии. Он негодовал по поводу отрицания европейской наукой громовых стрел, которые «тысячи людей видели и держали в своих руках», и взывал к слушателям: «Товарищи, неужели никто из вас не видел собственными глазами громовых стрел? Вы все, десятки и сотни людей, видели стрелы... Такие каленые, заостренные, граненные, похожие на кремний, есть и металлические. Их находят в местах, где ударил гром... Да, видели? Говорите!». «О, да, конечно, мы видывали громовые стрелы...», – отвечали слушатели (Жамцарано, 2001. С. 243).

Очевидно, что популярности и живучести такого понимания процесса преобразования молнии в предмет способствовала высокая концентрация на поверхности земли, особенно на открытых степных пространствах археологических артефактов разного времени. Львиную долю среди них, очевидно, занимали оббитые гальки, нуклеусы, металлические наконечники стрел и копий, послужившие прообразом «громовых стрел». О большом количестве таких находок свидетельствуют результаты археологических изысканий (Монголчууд..., 2018. Р. 22, 23; Ташак, 2014). Многие предметы попадали на поверхность из разграбленных могильников. Однако ассоциации громовых стрел с разновидностями боевого оружия эпохи металла, вероятнее всего, были обусловлены регулярными локальными и более масштабными военными конфликтами на территории Внутренней Азии. Допускаем, что, например, тактика массированной стрельбы, применяемая кочевниками в бою, оставляла множество невостребованных стрел на поле боя. Такая такти-

ка стала возможна благодаря особым плоским наконечникам стрел, которые получили широкое распространение в кочевом мире с начала II тыс. н. э. (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011. С. 120).

Особенности поведения во время грозы в традиции разных этнических групп тюрко-монголов

Средневековые путешественники пишут, что многие монголы очень боялись грозы – «во время грозы они не выходят из кибиток и в страхе сидят дома» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 157); «они боятся грома выше меры, высылают тогда чужестранцев из своих домов, закутываются в черные войлоки, в которые прячутся пока не пройдет гроза» (Рубрук, 1997. С. 99). В то же время были и те, кто грозы не боялся и бросал вызов небу. Среди современников монголов, прячущихся от грома и молний, было племя урянха, о которых писал Рашид-ад-дин «У них есть такой обычай: когда падает много молний, они поносят небо, и тучи, и молнии и кричат на них» (Рашид-ад-дин, 1952. С. 157). Свою неуязвимость урянха обосновывали небесным происхождением. Уверенность, что молния их не поразит, представители этой народности пронесли сквозь века и продолжали так поступать и в XIX – начале XX в. Так, в частности, представители рода урянха, проживающие в Бурятии, «во время грозы надевали белые одежды, скакали вокруг горы на белых конях и кричали, обращаясь к небу: "Мы исходим от Утай Тэнгэри и от рода урянх-зэмбэ"» (Абаева, 1992. С. 100). Верили в свое небесное происхождение и другие монгольские народы, в частности, представители племени хухыд, которые в настоящее время рассеялись по территории Монголии. Часть из них живет в Селенгинском районе Бурятии. «В основу слова хухыд было положено название горы Хан-Хухэй, где проживает и поныне некоторая часть хухыдов» (Зориктуев, 1983. С. 137). Согласно другой интерпретации родство хухыдов с небом обосновывается термином хөх, имевшим в древнемонгольском языке значения «голубой», «синий», «небо». «Хухыды происходят от голубого неба. Стрелы его молний не будут обращены про-

тив нас. Когда гремит гром, надо произносить эти слова» (Зориктуев, 1983. С. 137). В родственную связь их племени с небом верили представители *боржигин у халха, чонос и меркит* у западных монголов. К людям небесного происхождения стали относить, прежде всего, представителей «белой» кости, «небесных детей с белоснежным телом». Монголы считали, что небо не поразит своих детей (Эрдэнэболд, 2012. С. 17, 18). В силу своего небесного происхождения люди, принадлежавшие определенным этническим группам, во время грозы или в случае гибели людей и животных от молнии зывали к небу и вопрошали:

«Я человек искони из урянхов.

Хочешь ли ты, гремя

Ударить вороного жеребца?

Хочешь ли ты ударить и меня?

Хочешь ли ты, гремя

Ударить бурого жеребца?

Хочешь ли ударить и меня?» (цит. по Эрдэнэболд, 2012. С. 16).

Представитель «белой кости» (ноены, тайджи – князья), прибыв на место, где находился человек, пораженный молнией, соорудив небольшое обо из камней, кропил молоком и представлялся: «С ханской белой костью, тайджа небесного происхождения», называл свое имя. Затем он начинал упрекать Небо: «Не потерял ли глаз, не ослеп ли ты? Зачем спустился на то, на что не нужно было спускаться? Если хотел спуститься, зачем не спустился на меня?» (Эрдэнэболд, 2012. С. 18).

Представители этнических групп «небесного корня» и «белой кости» прибегали также к «изгнанию» грозы. Люди из рода *шарнууд, дархат* выкрикивали во время грозы особые слова и били при этом по металлическим предметам (Там же). Таковы были «возможности» влиять на грозу со стороны некоторых избранных небом родов и племен в XIX – начале XX в.

Однако в прошлом, небесное происхождение царственного рода Чингисхана и его многочисленных потомков не освобождало их от страха быть пораженными молнией. Один из царевичей Чингизидов – Ногай, ставший зятем византийского

императора Михаила VIII Палеолога (XIII в.), принимая дары от своего тестя, среди которых были и дорогие одеяния – золотканые одежды и расшитые жемчугом головные уборы, интересовался, прежде всего, магическими и лечебными свойствами таких одежд: «Полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома так, чтобы человек под калиптрою был непоразим?» (Почекаев, 2017. С. 77). Узнав, что одежды не обладают такими свойствами, он с пренебрежением отбрасывал их.

Итак, разнообразные источники показывают, что часть монгольского населения Внутренней Азии считала происхождение своего родового/племенного сообщества небесным и в силу этого не опасалась грозы. Однако наравне с ними бросать вызов небу могли этнические группы, которые считали, что Небо в долгу перед их предком за помощь, оказанную им когда-то. В среде калмыков такой группой считаются *шар меркиты*, предок которых помог вернуться на небо дракону-Громовержцу (последний промахнулся, пытаясь ударить меркита молнией, упал на землю и превратился в белого верблюжонка). «С тех пор только меркиты могли прикасаться к трупам пораженного молнией» (Бакаева, 2003. С. 70). Сходное по сюжету предание, обнаруженное среди хамниган, проживающих среди агинских бурят объясняет отсутствие страха перед молнией у хамниган: «Как-то раз Лу спустился на землю. Хамниган поймал его за голову и стал называть его тугшаном. Другой хамниган схватил его за хвост. С тех пор хамниганы из рода Залайри не боятся ни грома, ни грозы. Как только сверкнет в тучах грозовых молния и загрохочет гром, хамниганы из рода Залайри громко кричат: "Хээг! Хээг!"» (Небесная дева-лебедь, 1992. С. 200).

У хакасов предок рода сайын когда-то поразил своим выстрелом нечистую силу айна, которая дразнила небесное божество. Сюжет этого мифа, очевидно, имеет позднее происхождение – после знакомства хакасов с православной верой. Об этом свидетельствует образ айна – голый чер-

тенок, который, скорее всего, повторяет образы чертей из преисподней христианского мифологического устройства вселенной. Укрывшись в расщелине скалы, айна дразнил небесное божество. «Последний более 40 лет метал свои молнии в нечистую силу, но не мог его поразить. С тех пор сеок сайын славится Громовержцем "Кугурт-Чаячы"» (Бутанаев, 2003. С. 52) и, соответственно, люди этого сеока не страдают от ударов молний. Стараясь оградить себя от опасности грозовых явлений, хакасы других сеоков стали во время грозы представляться Громовержцу родственниками сеока сайын: «Во время удара молнии, когда человек находился в пути, а также когда было необходимо взять ветви дерева с "небесным огнем", читалось заклинание: "Я дядя по матери сайынского рода, я племянник по сестре сайынского рода"» (Там же).

Возможность «заслужить» милость Неба выразилась также в распространенном у многих народов региона убеждении, что следует убивать животных, вызвавших гнев Неба – летягу и бурундука. Так считали дархаты, алтайцы (Потанин, 1883. С. 181).

Буряты рода хангин, согласно генеалогическому преданию, верили, что хангинцы стали неуязвимыми для молний с тех пор как Громовержец Хөхөдэй-мэргэн промахнулся, стреляя в их предка. «В предании о бурятах рода Хангин говорится, что громовержец Хугдо-мэргэн решил поразить человека молнией. Этим человеком оказался представитель рода хангин, который ехал на чубаром коне. Громовой удар задел только хвост и гриву чубарого коня, а человек из рода хангин остался невредимым. Говорят с тех пор человек хангинского рода не боится грозы, а чубарый конь навсегда остался с редким подрезанным в грозу хвостом и гривой» (Небесная дева-лебедь, 1992. С. 80). Таким образом, оплошность небесного божества вынуждала его дать согласие не разить громовыми стрелами представителей определенного рода/племени.

Некоторые люди просто обращались к небу с просьбой оберегать их. «Кяхтинские табангуты при громе поднимают руки вверх и кричат "Намэ

хара!" (Береги меня!)» (Абаева, 1992. С. 100). Аналогичным образом поступали монголы из племени Тоодын². Об этом сообщил Г.Н. Потанину его рабочий Найдын, родом из этого племени. Он рассказал об обычае во время грома кричать: «Тоодын байна! Тоодын байна!» (Тодын здесь!). Поэтому рассказчик полагал, не отсюда ли произошло название его племени (Потанин, 1883. С. 330). На наш взгляд, такое поведение является отголоском былых представлений о родстве этнической группы с Небом и подобные возгласы, по всей видимости, должны были привлечь внимание Неба к этим людям.

Отношение к пораженным молнией

Из этнографических источников XIX – начала XX в. нам известно, что в культуре кочевников сложилось неоднозначное отношение к человеку или животному, пораженному молнией. Буряты, хакасы, тувинцы считали, что человек, убитый молнией, – избранник богов, а животное, пораженное молнией, угодно небу. У бурят «Убитый громом человек считается за какие-нибудь выдающиеся качества взятым на небо к божествам грома и молнии, почитается наравне с умершими шаманами, а потомство его получает шаманское утха – будал утха, право быть шаманом» (Михайлов, 1996. С. 16). Хоронить в земле жертвы молний запрещалось – их размещали на специальном помосте. В XX веке в бурятских обществах все еще сохранялись обычаи особого погребения людей, пораженных молнией. Погибших от молний хоронили способом кремации, выдерживая иногда обычай воздушного погребения – в ситуации, описанной С.Г. Жамбаловой. Молодого человека, убитого молнией, сначала «подвесили на особое дерево, отмеченное молнией... Через девять дней гроб сняли, останки покойного сожгли...» (Жамбалова, Суворова, 2017. С. 198).

² Речь идет о хотогойтском племени Дуутан/Дотно – об этой группе, входящей в состав хотогойтов, упоминал Х. Нямбуу (Нямбуу, 1992. С. 143). В более поздних исследованиях группу «тодын» в версии, представленной Г.Н. Потаниным, идентифицировал как «дотно» Сампилдондовын Чулуун (Чулуун, 2006. С. 46).

Однако в средневековье в монгольском обществе отношение к убитым молнией, вероятно, было иным. «И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом чрез огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое» (Карпини, 1997. С. 39); «И говоря кратко, они веруют, что огнем очищается все... Точно также, если огонь упадет с неба на стадо или людей, что там часто случается ... то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц» (Там же. С. 38). Известно, что ритуал прохождения между горящих огней, сохранившийся у монгольских народов до XX века, был направлен на очищение людей, животных и даже имущества (всего, что находилось в ставке, повозки) от скверны, болезней, злых духов. Очевидно, что пораженный молнией человек рассматривался как источник скверны, сакральной нечистоты, которую он распространял на все, что его окружает, даже на домашнее имущество. Таким пониманием данного явления и обусловлены сложные обряды очищения от скверны в монгольском обществе, описанные Дж. дель Пано Карпини.

Отголоски именно таких представлений мы видим в погребальном ритуале халха-монголов XIX в., совершаемом в отношении человека, убитого молнией: «Если гром убьет человека, вырывают яму и кладут в нее покойника; затем девять тайджи на белых лошадях в белой одежде ездят кругом и кричат; если этот обряд не совершить, другого кого-нибудь постигнет та же участь. В предупреждение несчастья от грома брызжут над белым войлоком молоком посредством цасыла» (Потанин, 1883. С. 140–141). Очевидно, халха-монголы, в отличие от бурят, не считали пораженного молнией избранником Неба. Возможно, что как и их предки, монголы считали, что покойный чем-либо провинился перед тэнгри и удар молнией стал для него наказанием.

Заключение

Метеорологические данные отдельных зон Внутренней Азии подтверждают правдивость известных со средневековья образов этих территорий как изобилующих грозами. Большое количество каменных и металлических изделий, отражающих культуру древних насельников этого региона, обобщенный образ которых сводится к стреловидным предметам, способствовало формированию устойчивых представлений о сущности грозовых явлений и «громовых стрелах», которые практически не изменились со средневековья до начала XX века. Эти представления сводились к тому, что следствием удара молнии в землю являлись «громовые стрелы» – археологические артефакты. Исследование представлений и обычаев тюрко-монгольских народов, связанных с грозовыми явлениями, показывает архаичность образа громовержца-дракона, распространившегося с территории южной и Юго-Восточной Азии и сосуществование с ним на периферии расселения тюрко-монгольских народов множества других образов божества-Громовержца. У народов региона наблюдается разное осмысление причин поражения человека или животного молнией. Отмечается негативное понимание этого события в монгольском обществе со средневековья до XIX – начала XX в., и наоборот, позитивное на периферии Монгольской империи – у бурят, тюрков Южной Сибири. Выявлено, что представители разных народов испытывали в отношении гроз и молний совершенно противоположные чувства – одни страх и прятались, другие, напротив, бросали вызов Небу. В социальной структуре Монгольской империи выделились представители «белой кости», которые верили в свою неуязвимость перед грозой по праву своего «небесного происхождения». Были и те, кто считал Небо должником своего предка и верил, что благодарный Громовержец не будет поражать его потомков молниями. Мнимое родство с «избранными Небом» тоже могло оградить от поражения молнией. Как показывают этнографические материалы XIX века, милость Неба можно было заслужить и другими способами. Таким образом, широкий спектр верова-

ний и обычаев тюрко-монголов Внутренней Азии, связанных с грозовыми явлениями, вероятно, могут пролить свет на социальную жизнь номадов,

Библиографический список

Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1992. 140 с.

Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 358 с.

Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 320 с.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 1996. 222 с.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакаского государственного университета, 2003. 259 с.

Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакаского государственного университета, 2005. 197 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 114 с.

Галданова Г.Р. Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монгольских обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 94–107.

Гроот Я.Я.М. де. Демонология древнего Китая. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.

Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. М.: Наука; Вост. лит., 2015. 239 с.

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991. 300 с.

Жамбалова С.Г., Суворова А.С. Погребальная обрядность бурят: традиции, трансформации, возрождение (XIX – XXI вв.). Иркутск: Оттиск, 2017. 276 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Зориктуев Б.Р. К истории рода хухыд // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 134–142.

Дж. дель Пано Карпини. История монгалов / Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / вст. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с. С. 28–85.

Комиссаров С.А., Кудинова М.А. Образ небесного пса в китайской мифологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 70–79.

например, внести уточнения в иерархию родов и племен кочевых сообществ.

References

Abaeva L.L. (1992) Mountain cult and Buddhism in Buryatia. Moscow: Nauka. 140 p. (In Russ.)

Bakaeva E.P. (2003) Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks. Elista: Dzhangar. 358 p. (In Russ.)

Berezkin Yu.E. (2013) Africa, migration, mythology. Areas of distribution of folklore motives in a historical perspective. St. Petersburg: Nauka. 320 p. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (1996) The traditional culture and life of the Khakass. Abakan: Khakass Book Publ. 222 p. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (2003) Burkhanism of the Sayan-Altai Turks. Abakan: Khakassian State University. 259 p. (In Russ.)

Butanaev V.Ya., Mongush Ch.V. (2005) Archaic customs and rituals of the Sayan Turks. Abakan: Khakassian State University. 197 p. (In Russ.)

Galdanova G.R. (1987) Pre-Lamaist beliefs of the Buryats. Novosibirsk: Nauka. 114 p. (In Russ.)

Galdanova G.R. (1995) Evolution of ideas about tengri (according to the texts of Mongol-speaking ritualists). *Srednevekovaya kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki = Medieval culture of Central Asia: written sources*. Ulan-Ude: BNC SO RAN. P. 94–107. (In Russ.)

de Groot J. J. M. (2000) Demonology of ancient China. St. Petersburg: Eurasia. 352 p. (In Russ.)

Dashieva N.B. (2015) Calendar in the traditional culture of the Buryats. Moscow: Nauka; Vost. lit. 239 p. (In Russ.)

Dugarov D.S. (1991) Historical roots of white shamanism (based on the ritual folklore of the Buryats). Moscow: Nauka. 300 p. (In Russ.)

Zhambalova S.G., Suvorova A.S. (2017) Burial rituals of the Buryats: traditions, transformations, revival (the 19th – 21st centuries). Irkutsk: Ottisk. 276 p. (In Russ.)

Zhamtsarano Ts. (2001) Travel diaries 1903–1907. Ulan-Ude: BNC SO RAN. 380 p. (In Russ.)

Zoriktuiev B.R. (1983) On the history of the khuyid clan. *Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi mongol'skikh narodov = Ethnic and historical and cultural ties of the Mongolian peoples*. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR. P. 134–142. (In Russ.)

J. del Piano Carpin. (1997) History of the Mongols / G. de Rubruck. Travel to Eastern countries / Marco Polo's Book. Moscow: Mysl. 460 p. P. 28–85 (In Russ.)

Komissarov S.A., Kudinova M.A. (2012) The image of the heavenly dog in Chinese mythology. // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History, Philology*. Vol. 11. No. 4. P. 70–79. (In Russ.)

Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 110 с.

Нанзатов Б.З. Интерпретация значения Баргуджин-токум: древнетюркские корни // Тюркологический сборник / Ин-т восточных рукописей (Азиатский Музей) РАН. М.: Наука; Вост. лит. / 2015–2016: Тюркский мир Евразии / ред. кол. Т.Д. Скрынникова (пред.), Т.И. Султанов, И.В. Зайцев. 2018. С. 263–275.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издание, 1992. 368 с.

Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. Санкт-Петербург: типография А.С. Суворина, 1906. 304 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883, 1029 с.

Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2017. 455 с.

Рашид-ад-дин. Собрание летописей. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 221 с.

Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Дж. дель Плано Карпини. История монгалов / Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 460 с. С. 86–189.

Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского географического общества. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 95–135.

Тарабукина Л.Д., Кононова Н.К. Сопоставление грозовой активности в некоторых регионах Северной Азии со сменой атмосферной циркуляции в летние сезоны 2009–2016 гг. // Материалы Всерос. науч.-иссл. конф. «Современные тенденции и перспективы развития гидрометеорологии в России». Иркутск: изд-во Иркутского государственного университета, 2018. С. 420–428.

Ташак В.И. Палеолитическое местонахождение Хэнгэр-тын скальная в западном Забайкалье // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 1 (13). С. 75–87.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. Т. I. 550 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. Т. III. 420 с.

Mikhailov V.A. (1996) Religious mythology. Ulan-Ude: Soyol. 110 p. (In Russ.)

Nanzatov B.Z. (2018) Interpretation of the meaning of Bargudzhin-tokum: ancient Türkic roots. *In-t vostochnykh rukopisei (Aziatskii Muzei) RAN = Institute of the Orient Manuscripts (Asian Museum) RAS. Tyurkologicheskii sbornik = Turkological collection*. 2015–2016: Turkic world of Eurasia. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura. P. 263–275. (In Russ.)

(1992) Heavenly maiden-swan. Buryat tales, traditions and legends. Irkutsk: East Siberian Book Publ. 368 p. (In Russ.)

Osokin G.M. (1906) On the border of Mongolia. Essays and materials on the ethnography of southwestern Transbaikalia. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorin. 304 p. (In Russ.)

Potанин G.N. (1883) Essays on Northwest Mongolia. Iss. IV. Ethnographic materials. St. Petersburg: Typ. V. Kirshbaum. 1029 p. (In Russ.)

Pochekaev R.Yu. (2017) The kings of the Horde. Biographies of the khans and rulers of the Golden Horde. St. Petersburg: Eurasia. 455 p. (In Russ.)

Rashid ad-din. (1952) Collection of Chronicles. Leningrad; Moscow: AN SSSR. Vol. 1. Book. 1. 221 p. (In Russ.)

G. de Rubruck. (1997) Travel to Eastern countries / J. del Plano Carpini. History of the Mongols / Marco Polo's Book. Moscow: Mysl'. 460 p. P. 86–189. (In Russ.)

Talko-Gryntsevich Yu.D. (1903) To the question of the study of physiological phenomena of the sexual life of women in Transbaikalia. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhtinsky branch of the Amur department Imp. Russian Geographical Society*. Vol. V. Iss. 1. P. 95–135. (In Russ.)

Tarabukina L.D., Kononova N.K. (2018) Comparison of thunderstorm activity in some regions of North Asia with a change in atmospheric circulation in the summer seasons of 2009–2016. *Mat. Vseros. nauch.-issl. konf. «Sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya gidrometeorologii v Rossii» = Mat. Vseros. scientific research conf. "Current trends and prospects for the development of hydrometeorology in Russia"*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 420–428. (In Russ.)

Tashak V.I. (2014) Paleolithic location Khenger-tyн rocky in western Transbaikalia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1 (13). P. 75–87. (In Russ.)

Khangelov M.N. (1958) Collected works. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. Vol. 1. 550 p. (In Russ.)

Khangelov M.N. (1960) Collected Works. Ulan-Ude: Buryat Book Publ. Vol. III. 420 p. (In Russ.)

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований. 2011. № 6. С. 107–122.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

Юрченко А.Г. Книга камней. Чудеса мира в восточных космографиях. СПб.: Евразия, 2007. 256 с.

Арьясурэн Ч., Нямбуу Х. Монгол ёс заншлын их тайлбар толь. Тэргүүн боть. Улаанбаатар: Суулэнхуу, 1992. 928 х.

Монголчууд: нэн эртнээс XII зууны эхэн. Талын нуудэлчдийн уламжлал. Улаанбаатар: Монсудар, 2018. 263 р.

Чулуун С. Хотогойдын түүх (XVII – XX зууны эхэн үе). Улаанбаатар хот. 2006. 162 с.

Нямбуу Х. Монголын угсаатны зүйн удиртгал. Улаанбаатар. 1992. 196 с.

Сведения об авторе

Содномпилова Марина Михайловна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Заявленный вклад автора

М.М. Содномпилова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 9 февраля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки
14 марта 2021 г.
Принята к публикации 22 марта 2021 г.

Kharinsky A.V., Erdenebaatar D. (2011) Northern Khuvsgul region at the beginning of the 2nd millennium AD. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and practice of archaeological research*. No. 6. P. 107–122. (In Russ.)

Erdenebold L. (2012) Traditional beliefs of the Oirat-Mongols (late 19th – early 20th century). Ulan-Ude: BNC SO RAN. 196 p. (In Russ.)

Yurchenko A.G. (2007) Book of stones. Wonders of the World in Eastern Cosmographies. St. Petersburg: Eurasia. 256 p. (In Russ.)

Aryasuren Ch., Nyambuu H. Great dictionary of Mongolian customs. The first volume. Ulaanbaatar: Suulenkhuu, 1992. 928 p. (In Mong.)

Mongols: from the earliest times to the beginning of the 12th century. Traditions of steppe nomads. Ulaanbaatar: Monsudar, 2018. 263 p. (In Mong.)

Chuluun S. History of Khotogoi (XVII – early XX centuries). Ulaanbaatar. 2006. 162 p. (In Mong.)

Nyambuu H. Introduction to Mongolian ethnography. Ulaanbaatar. 1992. 196 p. (In Mong.)

Information about the author

Marina M. Sodnompilova,
Dr. Sci. (History), Leader researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Contribution of the author

M.M. Sodnompilova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received February 9, 2021.
Received March 14, 2021.
Accepted March 22, 2021.